

Археологические вести

— 32 —

Археологические вести

**32
(2021)**

Санкт-Петербург
2021

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

Гончарные производства на территории Южного Приаралья (к вопросу об организации ремесленного производства в древности)

С. Б. Болелов¹

Аннотация. Статья посвящена организации и организационным формам ремесленного гончарного производства на территории Южного Приаралья. Выделены три типа гончарных производств, которые различаются по предполагаемому объему производимой продукции и расположению мастерских относительно населенных пунктов. На основании анализа имеющихся материалов автор приходит к выводу, что каждый выделенный тип производств соответствует определенной форме организации ремесла.

Annotation. This paper is devoted to the organizational forms of the pottery-making handicraft in the territory of the South Aral region. Three types of pottery-making have been distinguished which differed in terms of the production volumes and locations of the workshops relative the settlement sites. On the basis of analysis of the available evidence, the author comes to the conclusion that each of the distinguished types of production corresponds to a definite form of organization of the handicrafts.

Ключевые слова: ремесло, гончарство, мастерская, производственный центр, торгово-ремесленное поселение, жилищно-производственный комплекс, обжигательный горн.

Keywords: handicraft, pottery-making, workshop, manufacturing centre, trade and handicraft settlement, dwelling and manufacturing complex, pottery firing kiln.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-157-178

Благодаря уникальным природным условиям Южного Приаралья, до 70-х гг. прошлого века в пустыне сохранились нетронутыми остатки древних поселений и целых земледельческих оазисов, включавших земельные угодья, усадьбы, ирригационные системы, ремесленные производства, в том числе гончарное. Сплошное картографирование археологических памятников региона с использованием аэрофотосъемки предоставило уникальную возможность рассмотреть гончарство как внутренне взаимосвязанную подсистему общей палеоэкономической системы области. Анализ данных, полученных в процессе многолетних исследований археологического отряда под руководством Б. В. Андрианова, и материалов аэрофотосъемки позволяет

рассматривать эти вопросы комплексно, на всей территории региона, учитывая типы поселений, выявляя районы концентрации и места расположения производств относительно населенных пунктов и водных источников (Андранинов, 1969).

Характерной особенностью палеоэкономической системы Хорезма в эпоху античности — в отличие, например, от Бактрии — является сосредоточение гончарного производства на территории сельских поселений или в окрестах поселений и крепостей. Исключение составляют два горна, раскопанные в пределах городских стен на городище Хазарасп, но масштабы этого производства и условия его функционирования неясны (Воробьев и др., 1963. С. 174–175). Не исключено, что в Хазараспе, единственном пока на территории Хорезма, керамическое производство функционировало внутри города, как это было в южных областях Средней Азии, где гончарные кварталы располагались всегда внутри городских стен и являлись частью застройки (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С. 73).

¹ Отдел истории материальной культуры и древнего искусства, Государственный музей Востока; Никитский бульвар, 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: bsb1958@yandex.ru.

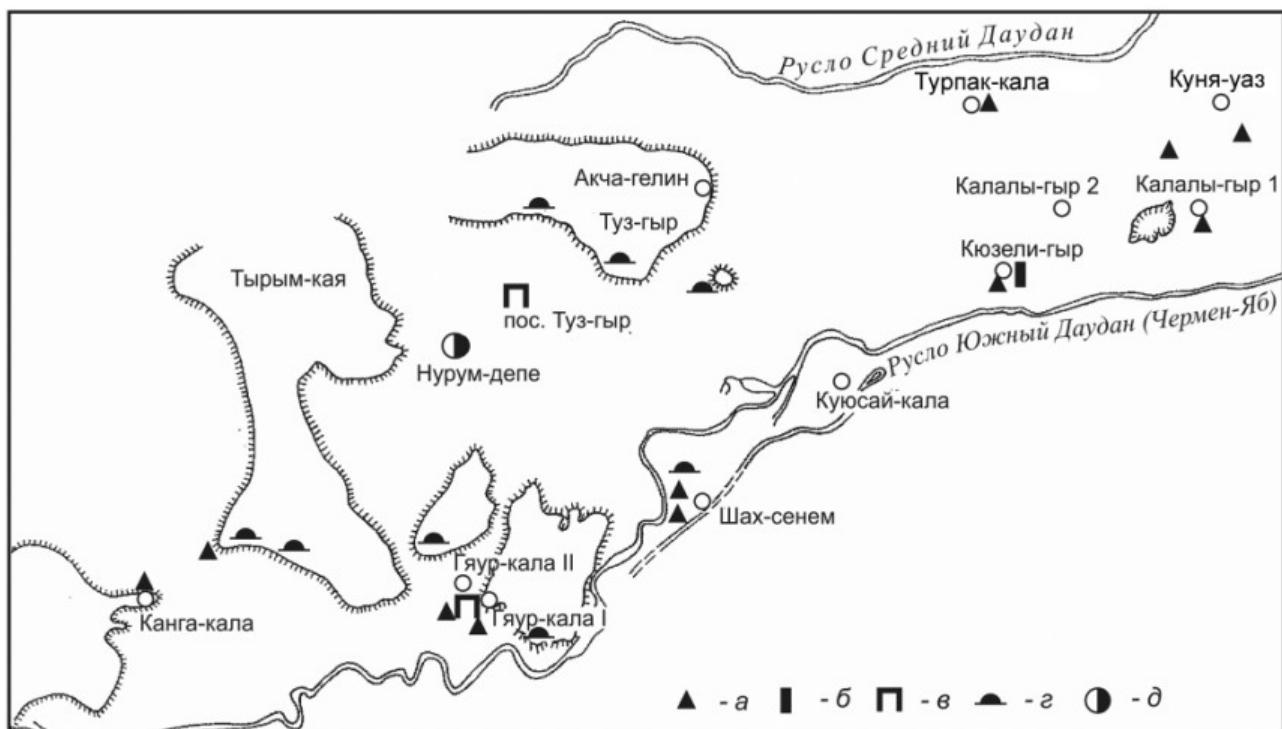

Рис. 1. Гончарные производства на территории левобережного Хорезма. Карта-схема
(*а* — одиночные обжигательные горны; *б* — специализированные производства; *в* — производственные центры;
г — курганные могильники; *д* — ремесленное поселение)

Fig. 1. Pottery-making handicrafts in the territory of Left-Bank Khoresm. Schematic map

(*a* — single pottery kilns; *b* — specialised pottery works; *v* — production centres; *g* — kurgan cemeteries;
d — handicraft settlement)

На остальной территории Хорезма ремесленное гончарное производство располагалось вне крепостных стен, в зоне сельских поселений (рис. 1; 2) на большем или меньшем удалении от жилых построек.

Исследователи не раз обращали внимание на эту особенность, объясняя ее в основном социальными или идеологическими причинами, а также специфическими условиями производства (Толстов, 1948. С. 274; Неразик, 1981а. С. 139; 1981б. С. 222; Мамбетуллаев, 1984. С. 37). В то же время Е. Е. Неразик по итогам широкомасштабных исследований сельских поселений Хорезма высказала предположение, что наличие различных по размерам и месторасположению керамических производств в сельских поселениях объясняется различными формами организации производства — в частности, существованием широкомасштабного товарного производства с общинным ремеслом (Неразик, 1976. С. 218). Как показали исследования Южного Приаралья последних десятилетий, размещение и организация

ремесленного гончарного производства на территории региона были связаны, прежде всего, с палеоэкономической системой, которая сложилась здесь в последней трети I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.

По расположению, размерам и предполагаемому объему продукции все объекты гончарного производства, известные на территории Южного Приаралья, можно подразделить на несколько категорий (Болелов, 2002а. С. 11–13).

Ремесленные поселения и крупные производственные центры отличаются от остальных значительными размерами и предполагаемыми внушительными объемами производства.

Наиболее ранним таким поселением является Хумбузтепа в южной части Левобережного Хорезма. Нижние слои памятника датируются не позднее второй половины VII — начала VI в. до н. э. (Болелов, 2019. С. 60). Недостаточная изученность остатков построек этого поселения не дает определить, к какому типу оно относится, можно лишь уверенно говорить, что оно не было укреплено.

Первый исследователь поселения М. Мамбетуллаев упоминает чередование архитектурных остатков с керамическими отвалами (Мамбетуллаев, 1984. С. 22). Верхние культурные слои поселения были полностью уничтожены в результате планировки поверхности под строительство. Наличие на небольшой сохранившейся площади ($520 \times 65-80$ м) девяти керамических горнов и остатков каких-то построек рядом с ними, о которых говорится в первой публикации памятника (Мамбетуллаев, Юсупов, 1974. С. 483; Мамбетуллаев, 1984. С. 21–38), позволяет предполагать, что Хумбузтепа действительно являлся ремесленным поселением или производственным керамическим центром. В ходе работ 1996–1997 гг. здесь были выявлены остатки построек раннего периода (Болелов, 2004а. С. 48–55).

В центре сохранившейся части памятника вскрыто несколько помещений, которые относятся к первому (наиболее раннему) и второму периодам жизни поселения. Состав археологического комплекса однозначно свидетельствует, что это были жилищно-производственные помещения. О том, что в них формовалась посуда, можно судить по находкам уже изготовленных, но необожженных сосудов в культурных слоях как первого, так и второго периода. Здесь же были найдены фрагменты крупных выпукло-вогнутых керамических дисков с небольшим резко опущенным бортиком по краю с внешней стороны, которые можно квалифицировать как подкладные, использовавшиеся при формовке крупных сосудов, прежде всего, хумов и хумчей. На северном участке поселения была раскопана часть гончарной мастерской, располагавшейся рядом с обжигательным горном (рис. 3). У стены *in situ* зафиксирована нижняя часть стационарно установленного хума. В 5 м к западу от него, также вплотную к стене помещения, обнаружено еще пять вкопанных вверх дном крупных цилиндрических сосудов с диаметром тулова 30–35 см, у которых еще в древности были отбиты днища. В них найдены комки промышленной глины и бесформенные куски материковой глины коричневого цвета. В помещении обнаружены фрагменты сформованных, но необожженных сосудов и выпукло-вогнутый диск диаметром 70 см, а также железный нож с изогнутой спинкой и невыделенной утолщенной рукоятью. По комплексу артефактов из заполнения мастерской ее можно датировать не позднее VI в. до н. э. (Болелов, 2019. С. 60–64).

Рис. 2. Гончарные производства на территории правобережного Хорезма. Карта-схема
(*a* — специализированные производства; *б* — одиночные обжигательные горны VI–IV вв. до н. э.; *в* — одиночные обжигательные горны IV–I вв. до н. э.; *г* — одиночные обжигательные горны I–IV вв. н. э.; *д* — одиночные обжигательные горны рядом с жилыми постройками)

Fig. 2. Pottery-making handicrafts in the territory of Right-Bank Khoresm. Schematic map (*a* — specialised works; *б* — single pottery kilns of the 6th–4th century BC; *в* — single pottery kilns of the 4th–1st century BC; *г* — single pottery kilns of the 1st–4th century AD; *д* — single pottery kilns near dwelling buildings)

Этим же временем, надо полагать, датируется и двухъярусный округлый в плане обжигательный горн с вертикальным ходом горячих газов, раскопанный в непосредственной близости от помещения мастерской. Овальная в плане топочная камера была вырублена в материке. Почти вертикальные жаропроводящие каналы, вырубленные в материковом грунте, начинались, видимо, на уровне середины — верхней трети высоты топки. Они радиально располагались по периметру топки, были обмазаны глиной и открывались в обжигательную камеру круглыми продухами диаметром 10–15 см. Ширина обжигательной камеры установлена лишь приблизительно, так как из-за многочисленных ремонтов она значительно сузилась. Максимальная ее ширина — 4 м, минимальная (на последнем этапе функционирования горна) — 3,5 м.

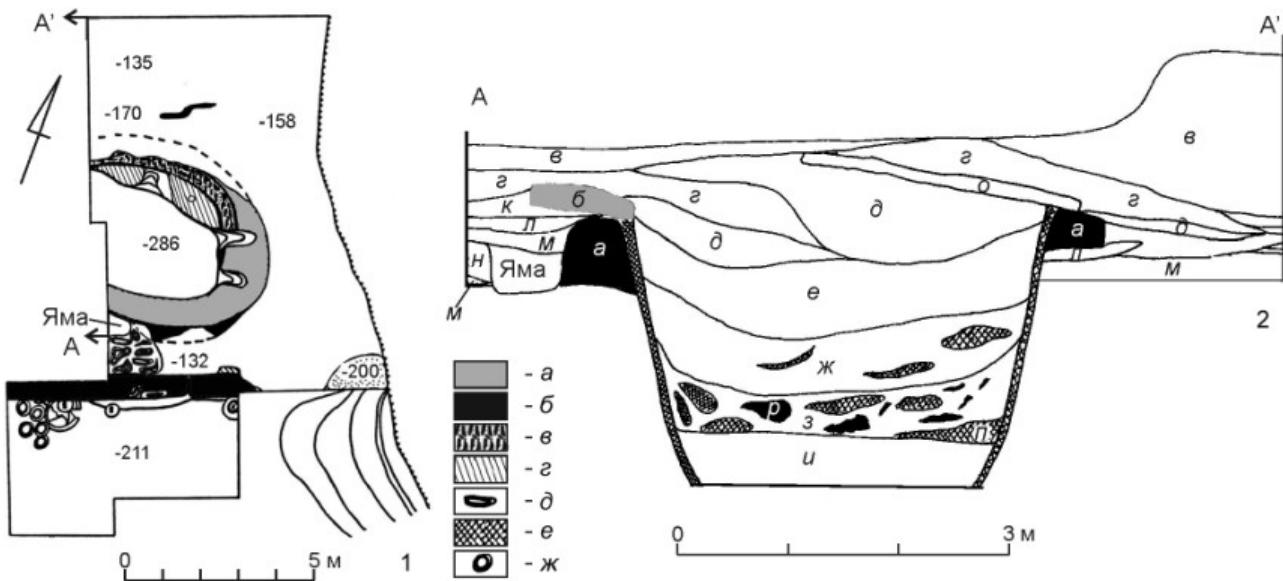

Рис. 3. Хумбузтепа, раскоп 1 (Болелов, 2019. С. 33, рис. 5): 1 — план горна и части мастерской (*а* — стены I периода; *б* — стены II периода; *в* — куски обожженной глины и обмазок; *г* — уровень пода обжигательной камеры; *д* — крупные куски материковой глины; *е* — зольник; *ж* — стационарно установленные хумы); 2 — разрез горна по линии АА' (*а* — стены I периода; *б* — стены II периода; *в* — рыхлая супесь серого цвета с фрагментами керамики и гончарного шлака; *г* — супесь серого цвета с фрагментами керамики; *д* — песок желтого цвета; *е* — плотная супесь серо-коричневого цвета с керамикой и кусками обожженной глины; *ж* — плотная супесь коричневого цвета; *з* — супесь коричневого цвета; *и* — прокаленная до красного цвета глина с кусками керамического шлака; *к* — подсыпка материковым грунтом; *л* — плотная комковатая глина; *м* — рыхлая комковатая супесь серо-коричневого цвета; *н* — куски материковой глины красно-коричневого цвета; *о* — слоистый суглинок серого цвета (натечный слой); *п* — зольник, прокаленная докрасна глина; *р* — крупные куски керамического шлака (оплавленный до желто-зеленого цвета лесс))

Fig. 3. Khumbuztapa, excavation 1 (Болелов, 2019. С. 33, рис. 5): 1 — plan of the kiln and part of the workshop (*а* — walls of period I; *б* — walls of period II; *в* — pieces of baked clay and plaster; *г* — level of the floor of the firing chamber; *д* — coarse pieces of the virgin clay; *е* — ash heap; *ж* — stationary khums (storage vessels)); 2 — section of the kiln along AA' line (*а* — walls of period I; *б* — walls of period II; *в* — loose grey sandy loam with fragments of ceramic slag; *г* — loose grey sandy loam with fragments of pottery; *д* — yellow sand; *е* — dense grey brown sandy loam with pottery fragments and pieces of baked clay; *ж* — dense brown sandy loam; *з* — brown sandy loam; *и* — clay calcined to red with pieces of ceramic slag; *к* — addition of virgin soil; *л* — dense lumpy clay; *м* — loose grey brown lumpy sandy loam; *н* — lumps of red brown virgin clay; *о* — grey stratified sandy loam (deposited layer); *п* — ash layer, red calcined clay; *р* — coarse lumps of ceramic slag (loess fused to yellow green colour))

По конструктивным признакам (соотношению объемов топочной и обжигательной камер, системе продухов) горн полностью аналогичен горнам древнемаргианских поселений Учдепе и Чурнок, датированных серединой I тыс. до н. э. (Сарияниди, 1957. С. 72–77; Болелов, 2002а. С. 89). По стратиграфическим данным обжигательный горн можно отнести к раннему периоду жизни поселения (Болелов, 2019. С. 35–36).

На основании материалов раскопок Хумбузтепа в 1996–1997 гг. определенно можно утверждать, что это был гончарный производственный

центр, который возник и начал функционировать не позднее второй половины VII в. до н. э. (Болелов, 2013а. С. 6). Технология производства керамики здесь была напрямую связана с традициями гончарного производства южных областей Средней Азии — прежде всего с Маргианой. Об этом красноречиво свидетельствует конструкция обжигательного горна — самого раннего на территории Хорезма, а также использование гончарного круга быстрого вращения, неизвестного ранее в низовьях Амуудары. Видимо, этот центр возник при непосредственном участии

мастеров-керамистов из южных областей и снабжал своей продукцией обширную округу, центром которой, возможно, был Хазарасп, расположенный в 18 км к северо-западу от Хумбузтепа, ниже по реке. По результатам исследований, проведенных позднее отрядом Института археологии АН РУз, можно сделать вывод, что Хумбузтепа являлось многопрофильным ремесленным поселением. Так, к северу от раскопа 1997 г. была открыта двухкамерная одноярусная производственная конструкция (печь), рядом с которой найдены фрагменты керамических сопел для принудительного нагнетания воздуха. Назначение ее осталось неясным (Баратов, Матрасолов, 2003. С. 41–42). Учитывая наличие фрагментов сопел, можно предположить, что это какая-то производственная конструкция, связанная с металлообработкой — может быть, кузничный горн, в котором накалялись железные полуфабрикаты.

Хумбузтепа — не единственное поселение середины I тыс. до н. э. в округе. В ходе маршрутных исследований 1996–1997 гг. в его окрестностях обнаружено еще два поселения, которые по подъемному материалу можно отнести к архаическому периоду (VI–IV вв. до н. э.): в 2 км выше по течению Амудары — Карагаш, в 3 км ниже по течению — Таш-Сака. На поселении Таш-Сака также отмечены следы керамического производства: куски шлака, бракованная керамика; следов обжигательных горнов не зафиксировано. По данным С. Р. Баратова, остатки гончарного производства фиксируются по берегу Амудары в районе Хумбузтепа на протяжении 8 км, что позволяет предполагать здесь грандиозный производственный центр, который функционировал с VII по III в. до н. э. (Баратов, Матрасолов, 2003. С. 38) и обслуживал земледельческий оазис с центром на месте Хазараспа.

Значительно лучше исследовано крупное многопрофильное ремесленное Нурумское поселение периода античности, расположенное на территории Присаракамышской дельты между двумя крупными широтными протоками Даудана.

В пределах оазиса площадью не менее 10 кв. км выявлено около 20 отдельно стоящих усадеб, сохранившихся до настоящего времени в виде оплавивших всхолмлений, которые можно считать остатками одного большого рассредоточенного поселения (рис. 4). На этой площади зафиксированы следы не менее 40 керамических обжигательных горнов, а также нескольких

винодавилен. Около каждой усадьбы обнаружено по два, а то и по четыре горна, развалы которых хорошо прослеживаются на поверхности такыра. Каждая пара включала в себя большой и маленький горны (рис. 5, 3). Здесь же, около горнов, расчищены производственные площадки, очажные конструкции для пережигания кристаллического гипса, ямы для замешивания глины, над которыми были устроены навесы (рис. 5, 1).

Каждая усадьба являлась одновременно жилым домом и отдельной гончарной мастерской, то есть жилищно-производственным комплексом. Один из таких комплексов (усадьба № 15) практически полностью раскопан. Он включал жилое здание, являвшееся на первом этапе местом обитания небольшой семьи. Во второй период (видимо, по мере увеличения семьи) его площадь выросла почти вдвое: в таком доме могли жить уже 7–10 человек. В юго-восточной части усадьбы обнаружен частично перекрытый навесом двор, в крытой части которого обитатели усадьбы, вероятно, занимались какой-то производственной деятельностью (рис. 5, 2). Здесь около западной стены раскопаны два очажных устройства, интерпретированные как нижние части кузничных горнов (Болелов, 2005. С. 90–110). Рядом с усадьбой открыты четыре обжигательных горна (рис. 5, 3), которые располагались попарно — большой и малый (Болелов, 1991. С. 72–90).

Всего на Нурумском поселении частично или полностью раскопано девять обжигательных горнов; все они двухъярусные, с прямой вертикальной тягой. Площадь топочной камеры в большинстве случаев почти в два раза меньше обжигательной камеры диаметром не менее 4,0–4,5 м. Топка перекрывалась глиняным диском, и лишь в одном случае зафиксированы следы купольного перекрытия (Там же. С. 74). Несмотря на обилие обжигательных горнов, этот памятник нельзя считать узкоспециализированным гончарным ремесленным поселением: присутствие других высокотехнологичных ремесленных производств дает основание квалифицировать его как многопрофильное торгово-ремесленное поселение. Можно, в частности, достаточно уверенно говорить о функционировании здесь кузничного производства: около некоторых усадеб на востоке оазиса отмечены скопления железных шлаков и остатки каких-то очажных конструкций, которые предположительно можно квалифицировать как кузничные горны; два из них открыты во дворе усадьбы

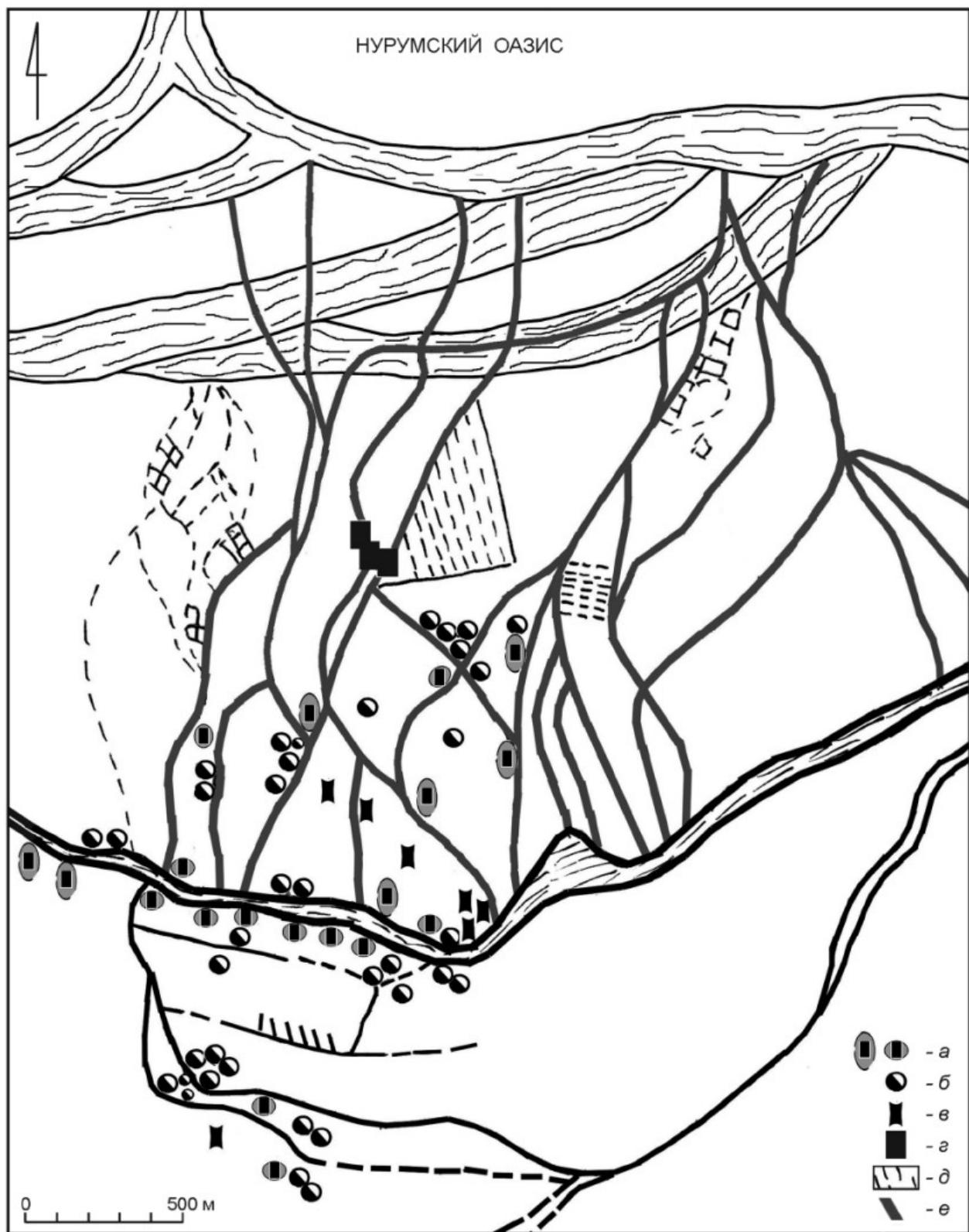

Рис. 4. Нурумское поселение, план (а — усадьба; б — обжигательный горн; в — винодавильня; г — центральная усадьба; д — следы агропланировок; е — следы каналов) (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 47, ил. 1)

Fig. 4. Nurum settlement, plan (a — plan of the property; б — firing kiln; в — winery press; г — central property; д — traces of agricultural layouts; е — traces of channels) (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 47, ил. 1))

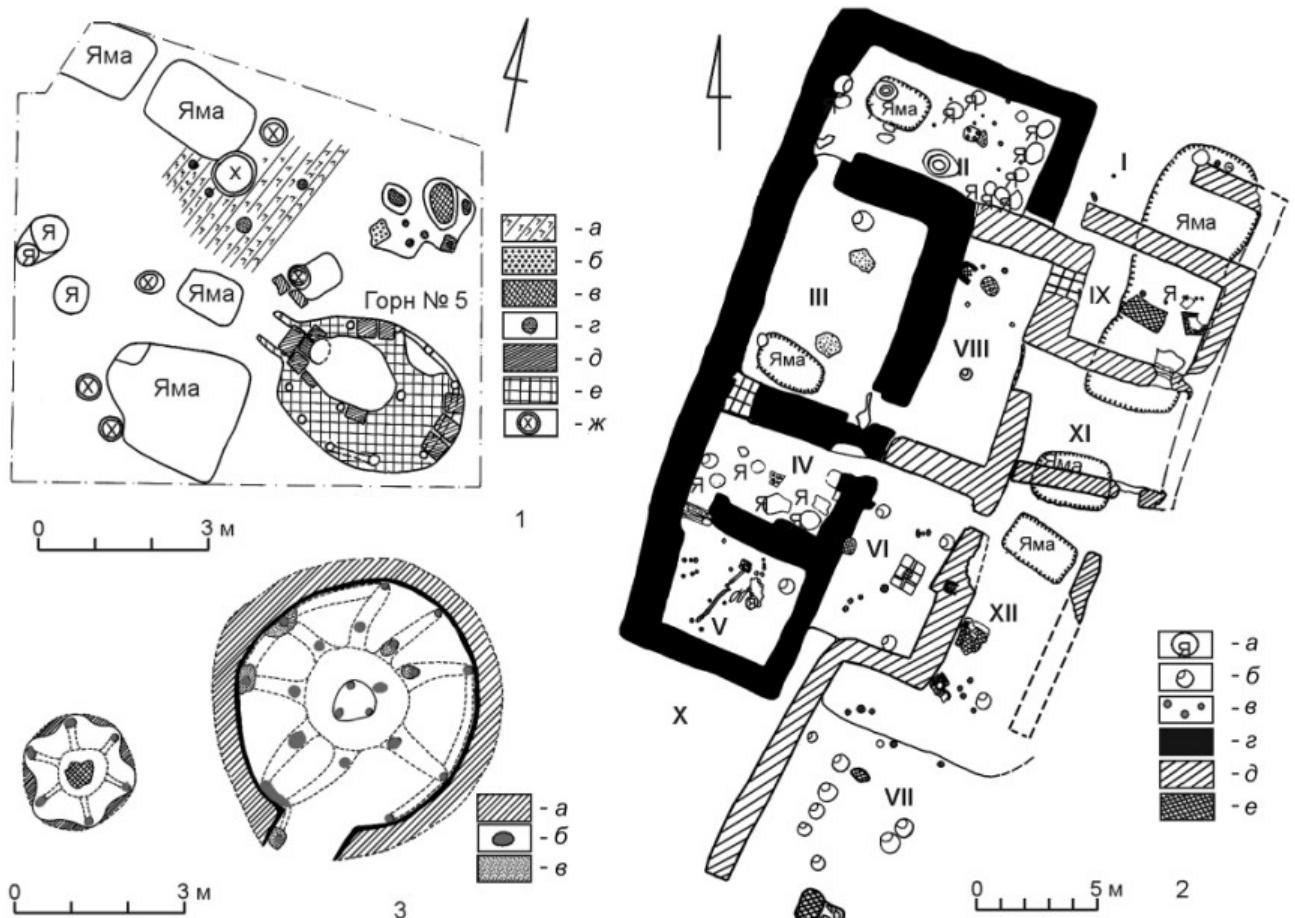

Рис. 5. Гончарное производство Нурумского поселения (публикуется впервые): 1 — план горна № 5 и рабочей площадки рядом с ним (*а* — разрушенная кладка сырцового кирпича; *б* — пережженный гипс; *в* — зольник; *г* — столбовая ямка; *д* — сырцовый кирпич; *е* — прокаленная до желто-оранжевого цвета поверхность пода обжигательной камеры; *ж* — хум); 2 — план усадьбы № 15 (*а* — ямы из-под хумов; *б* — стационарно установленные хумы; *в* — столбовые ямки; *г* — стены I периода; *д* — стены II периода; *е* — зольники и очаги); 3 — план горнов № 6 и 7, расположенных к югу от усадьбы № 1 (*а* — внешние стены горнов; *б* — продухи; *в* — обожженная глина). Римскими цифрами обозначены номера помещений

Fig. 5. Pottery-making works at the Nurum settlement (first published): 1 — plan of kiln no. 5 and working area nearby (*a* — destroyed mudbrick masonry; *b* — calcined gypsum; *c* — ash layer; *d* — pillar pit; *e* — surface of the firing chamber floor calcined to yellow orange; *ж* — khum (storage vessel)); 2 — plan of property no. 15 (*a* — pits for khums; *b* — stationary khums; *c* — pits from pillars; *г* — walls of period I; *д* — walls of period II; *е* — ash heaps and hearths); 3 — plan of kilns nos. 6 and 7 located to the south from property no. 1 (*а* — external walls of the kilns; *б* — air holes; *в* — baked clay). Roman numerals indicate room numbers

№ 15. Рядом с отдельными усадьбами в центре оазиса найдены бронзовые слитки и шлаки, а также куски круглой в сечении медной проволоки, которая, возможно, использовалась в производстве украшений. Обнаруженные на дневной поверхности обломки стеклянных стержней и заготовок также косвенно свидетельствуют об изготовлении здесь стеклянных бус.

Значительные участки оазиса, особенно западные, были заняты под посевы (не менее

200 га). В центральной части (не менее 15 га) располагались виноградники. Там же находились сооружения, которые с высокой долей вероятности можно считать винодавильнями. Около каждого из них зафиксировано не менее 10–12 вкопанных в землю хумов. Если принять 200 л за среднюю емкость хума, то только отдельные хранилища в центральной части Нурумского поселения могли вмещать 12–15 тыс. л вина (Вайнберг, Болелов, 1999. С. 56).

Значительные размеры орошаемых площадей, а также остатки многопрофильного ремесленного производства в Нурумском оазисе позволяют рассматривать оазис как торгово-ремесленный центр, снабжавший округу кормами, сельскохозяйственной и ремесленной продукцией. Одной из основных отраслей ремесленного производства было изготовление глиняной посуды — это было актуально при том количестве вина, которое могли производить на Нурумском поселении. Каждая, или почти каждая, усадьба Нурумского поселения являлась многопрофильным жилищно-производственным комплексом. Учитывая планиграфическую ситуацию, можно предположить, что в распоряжении хозяина усадьбы помимо средств производства (обжигательных гончарных или кузнечных горнов) был также определенный участок земли, примыкающий к усадьбе.

Еще одно ремесленное поселение Южного Приаралья — Бабиshmola 7, расположенное в 5 км к юго-юго-востоку от городища Бабиshmola 1. Общая площадь поселения составляла приблизительно 1,6 га — 450 × 350 м (рис. 6, 1). С запада к южной части поселения был подведен канал водохранилище шириной 15 м (рис. 6, 2). Именно там отмечается максимальная концентрация предполагаемых построек и развалов горнов.

Обжигательные горны располагались как отдельно, на некотором удалении от строений, так и рядом с ними. Всего в настоящее время выявлено 11 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения зафиксировано семь предполагаемых построек, которые могли быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими (рис. 6, 1). В северо-западной части поселения на берегу сухого русла (50–60 м до берега) находилась довольно крупная усадьба. На поверхности четко видны контуры стен помещений, сложенные из прямоугольного сырцового кирпича на пахсовом основании.

На территории поселения практически полностью раскопан жилищно-производственный комплекс (мастерская № 1), который включал в себя два обжигательных горна, а также производственные и жилые помещения (рис. 7, 1, 2) (Утубаев, Болелов, 2016. С. 56–62; Болелов, Утубаев, 2020. С. 67–87). Горны функционировали в северо-восточной части комплекса, к югу от них исследовано производственное помещение, где

формировалась посуда. Здесь найдены фрагменты сформованных, но необожженных сосудов, а также нижняя часть крупного сосуда с кусками пластичной производственной глины. К востоку от этого помещения частично раскопан обширный двор, также связанный с производством. Здесь расчищен крупный прямоугольный в плане очаг явно производственного назначения, в котором, возможно, пережигали кристаллический гипс. Жилые помещения выявлены в западной части комплекса. В них были обнаружены бытовые и, возможно, кухонные очаги (рис. 7, 1, 2). Никаких артефактов, свидетельствующих о производственной деятельности в западной части комплекса не найдено.

К югу от раскопа 2 частично открыт еще один производственный комплекс (мастерская № 2), который, видимо, являлся частью крупной усадьбы. Контуры помещений прослеживаются на уровне современной дневной поверхности рядом с раскопанными горнами. В северной части поселения, к югу от усадьбы, полностью раскопан обжигательный горн № 7 и вскрыта часть большого монументального здания рядом с ним (рис. 7, 5, 6).

Всего на Бабиshmola 7 раскопано семь обжигательных горнов (из выявленных 11), которые по конструктивным признакам подразделяются на два типа.

Тип 1 — прямоугольные в плане двухъярусные обжигательные горны с прямым вертикальным ходом горячих газов. Площадь и размеры топочной камеры почти равны площади и размерам обжигательной камеры. Большая часть продухов оборудована в плоском перекрытии топочной камеры, которое было устроено, видимо, при помощи деревянного каркаса, обмазанного глиной (Болелов, Утубаев, 2019. С. 79). К этому типу относится горн № 1 (рис. 7, 3, 4), два горна в мастерской № 1 (горны № 2 и 3), а также горн № 5 в мастерской № 2.

Тип 2 — двухъярусные обжигательные горны с прямым вертикальным ходом горячих газов. К этому типу относятся два горна — № 7 (мастерская № 3) и отдельно расположенный горн № 4. Основным отличием этих обжиговых устройств от горнов первого типа является форма обжигательной камеры: здесь она круглая. Пахсовые стены топочной камеры шириной 0,6–0,8 м заглублены ниже уровня материка. Стены обжигательной камеры горна № 7 толщиной 1,2–1,4 м сложены

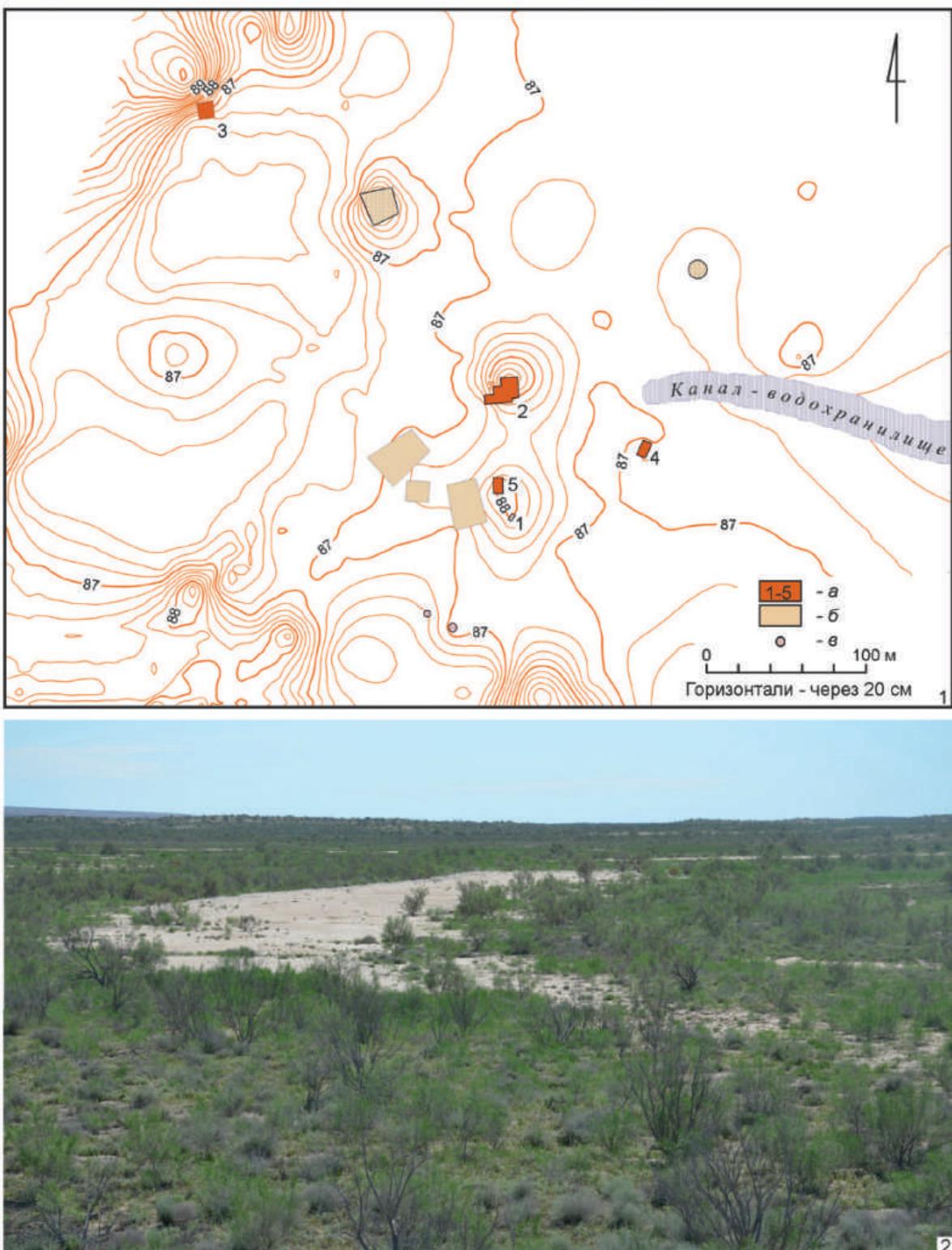

Рис. 6. Поселение гончаров Бабишмола 7: 1 — план (а — раскопы; б — участки скоплений керамики, развеянные постройки; в — развалы обжигательных горнов) (Утубаев, Болелов, 2016. С. 57, рис. 1); 2 — сухое русло канала-водохранилища, вид с юго-запада

Fig. 6. Potters settlement Babishmola 7: 1 — plan (a — excavations; б — areas of accumulated pottery, air eroded buildings; в — collapses of firing kilns) (Утубаев, Болелов, 2016. C. 57, рис. 1); 2 — dry bed of a channel/storage pond, view from south-west

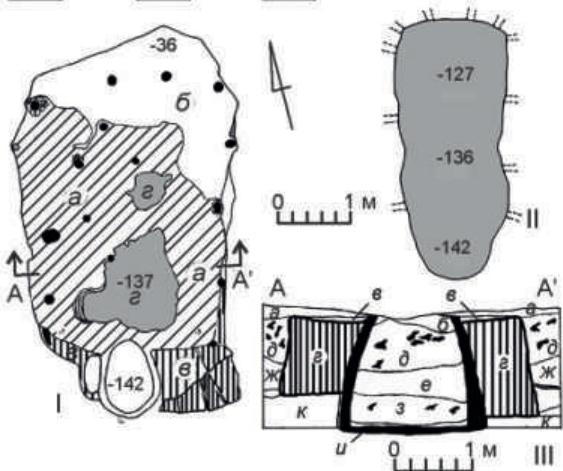
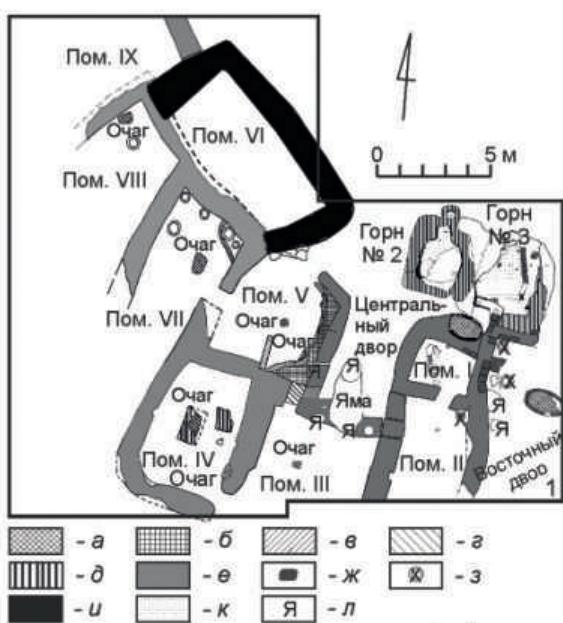

Рис. 7. Гончарное производство поселения Бабишмола 7. 1, 2 — мастерская № 1: 1 — план (*а* — прокаленная докрасна поверхность пода обжигательной камеры; *б* — слой забутовки III периода; *в* — каркасные стены; *г* — закладка прохода; *д* — плотная глина серого цвета; *е* — пахсовые стены; *ж* — сырцовый кирпич; *з* — хум; *и* — пахсовая стена позднего периода; *к* — сохранившиеся участки пода обжигательной камеры; *л* — яма), 2 — вид с севера; 3, 4 — горн №1: 3, I — план горна по уровню обжигательной камеры (*а* — прокаленная докрасна поверхность пода; *б* — обожженная до красного цвета комковатая глина; *в* — пахса; *г* — несохранившиеся участки пода обжигательной камеры), 3, II — план по уровню топочной камеры (*а* — уровень пода топочной камеры), 3, III — разрез горна по линии AA' (*а* — рыхлая пылевидная супесь серого цвета (слой надувного лесса); *б* — плотная супесь серого цвета; *в* — прокаленные докрасна глиняные обмазки; *г* — пахсовые стены; *д* — рыхлый комковатый суглинок, насыщенный кусками керамического шлака; *е* — глинисто-супесчаные натеки; *ж* — плотная супесь серо-коричневого цвета; *з* — плотный комковатый суглинок; *и* — зола и пепел с большим количеством древесных угольков; *к* — материк (плотный слоистый суглинок серо-коричневого цвета); 4 — вид с юга; 5, 6 — мастерская № 2, горн № 7: 5 — план (*а* — пахса; *б* — бесформенные куски плотной глины; *в* — оплавленная до серо-зеленого цвета глина; *г* — прокаленная до красно-оранжевого цвета глиняная обмазка); 6 — вид с северо-запада

Fig. 7. Pottery-making of Babishmola 7. 1, 2 — workshop no. 1: 1 — plan (*a* — surface of the calcined to red floor of a firing chamber; *b* — layer of backfill of period III; *v* — frame walls; *g* — backfilled passage; *d* — dense grey clay; *e* — pakhsa (rammed earth) walls; *ж* — mudbrick; *з* — khum; *u* — pakhsa walls of a later period; *k* — preserved areas of the firing chamber floor; *л* — pit), 2 — view from north; 3, 4 — kiln №1: 3, I — plan of the kiln at the level of the firing chamber (*a* — surface of the firing chamber floor calcined red; *б* — lumpy clay calcined to red; *в* — pakhsa; *г* — unpreserved areas of the floor of the firing chamber), 3, II — plan at the level of the furnace floor (*a* — level of the furnace floor), 3, III — section of the kiln along the AA' line (*а* — loose grey dust-like sandy loam (layer of drifted loess); *б* — dense grey sandy loam; *в* — clay plaster pieces calcined to red; *г* — pakhsa walls; *д* — loose lumpy sandy loam saturated with lumps of ceramic slag; *е* — clay/sandy loam deposits; *ж* — dense grey brown sandy loam; *з* — dense lumpy sandy loam; *и* — ashes with large amount of small pieces of charcoal; *к* — virgin soil (dense grey brown stratified sandy loam); 4 — view from south; 5, 6 — workshop no. 2, kiln no. 7: 5 — plan (*а* — pakhsa; *б* — shapeless lumps of dense clay; *в* — grey green fused clay; *г* — clay plaster calcined to red orange), 6 — view from north-west

из плотной пахсы серо-коричневого цвета и армированы деревянными жердями, которые разделяли пахсовые блоки (рис. 7, 5, 6). Овальные в плане топочные камеры высотой 1,3–1,5 м частично (на две трети) вырублены в материковом грунте и перекрыты поставленными под углом на ребро прямоугольными сырцовыми кирпичами — так называемый стреловидный свод. Жаропроводные каналы, которые начинались на высоте 70–80 см от пола, расположены параллельно или почти параллельно друг другу, но под прямым углом к центральной оси топочной камеры.

Можно уверенно утверждать, что Бабишмала 7 было ремесленным поселением, которое функционировало постоянно. Об этом, в частности, свидетельствует наличие здесь стационарных гончарных мастерских, которые составляли единый комплекс с жилыми помещениями (мастерская № 1). По объему производства Бабишмала 7 вполне сопоставимо с производственными гончарными центрами, известными на территории Хорезма, или с гончарными кварталами в южных областях Средней Азии (например, Дальверзин-

тепа). Безусловно, объем производства керамики на Нурумском поселении был больше, но это было многофункциональное ремесленное поселение значительно большей площади, тогда как Бабишмала 7 — это узкоспециализированное гончарное поселение. Во всяком случае здесь не зафиксировано остатков других ремесленных производств и рядом не выявлено следов агропланировок.

Могут быть сопоставлены с ремесленными поселениями по объему производимой продукции **крупные специализированные производства** на территории Левобережного Хорезма. Около укрепления (крепости?) Гяур-кала II зафиксировано более трех десятков обжигательных горнов на берегу канала (рис. 8, 1). Объем производства на этом памятнике никак не соответствует размерам поселения — 3–4 небольших глинобитных домика рядом с горнами (Неразик, 1976. С. 16–17, 217).

Весьма вероятно, что к этой же категории памятников относится гончарное производство у поселения Туз-гыр, в нескольких километрах к северо-востоку от Нурумского поселения, у подножья возвышенности Туз-гыр. Здесь также

фиксируются следы масштабного ремесленного гончарного производства². Площадь небольшого оазиса на берегу одного из русловых протоков Среднего Даудана, в пределах которого фиксируются остатки построек и следы полей, составляла не менее 5 кв. км. Орошение этой территории, как и на Нурумском поселении, осуществлялось за счет каналов, выведенных напрямую из руслово-го протока (рис. 8, 2). На аэрофото вполне отчетливо видны планировки полей (виноградников?), расположенных в восточной части оазиса. В отличие от Нурумского поселения, где обжигательные горны были рассредоточены по всей площади около отдельных усадеб, на поселении Туз-тыр гончарное производство располагалось компактно на противоположном берегу русла — там визуально фиксируются развалы не менее 50 обжигательных горнов. Конечно, без раскопок невозможно определить, работали ли эти горны одновременно или различные группы относятся к разным периодам жизни поселения, — но о том, что здесь функционировало широкомасштабное гончарное производство, можно говорить уверенно. Так же как и в гончарном центре Гяур-кала I горны расположены компактно, на некотором удалении от жилых построек. Таким образом, по всем признакам поселение Туз-тыр можно отнести к категории крупных специализированных производственных центров.

Специализированные гончарные центры.

Это скопления горнов (обычно не менее 7–8, но не более 15), расположенные изолированно, иногда на значительном расстоянии от поселения. В настоящее время в Хорезме исследовано девять таких объектов, восемь из которых находятся на правобережье, в густо заселенной зоне каналов Кельтеминар и Гавхоре. На левом берегу известен лишь один памятник этого типа — производство на заброшенном городище Кюзели-тыр, сравнительно недалеко от культового центра Калалы-тыр 2. В низовьях Сырдарьи такие производства пока не обнаружены.

Группы горнов расположены компактно на небольшой площади, близко друг от друга, на берегу

канала или русла. Иногда специализированные производства устраивались на заброшенных городищах (Кюзели-тыр и Базар-кала). Ни в одном случае рядом с горнами не отмечено капитальных жилых зданий — зафиксированы только небольшие постройки (производственные помещения) и рабочие площадки около горнов. Остатки одного, явно производственного, помещения раскопаны на городище Кюзели-тыр. Постройки отмечены на территории производства около замка Якке-Парсан (рис. 9, 1) и городища Уй-кала в Правобережном Хорезме (Воробьев, 1961. С. 199, рис. 1).

На городище Кюзели-тыр на площади 620 кв. м открыты восемь обжигательных горнов, рабочие площадки рядом с ними, места выбросов бракованной продукции и рабочее помещение в непосредственной близости от горнов. Конструкция горнов, расположенных попарно, в общем однотипна. Это были округлые в плане специальные двухъярусные обжиговые устройства с центральным или центрально-боковым ходом горячих газов. Прямые вертикальные или немного наклонные жаропроводные каналы открывались в обжигательную камеру округлыми продухами. Около горнов расчищены производственные площадки — вымостки из сырцового кирпича. Рядом с горнами расчищена часть небольшого однокомнатного здания площадью 23 кв. м. В центре этой постройки был обнаружен диск из необожженной глины с невысоким бортиком диаметром 74 см. В заполнении помещения найдено некоторое количество фрагментов керамики. С востока к раскопанной постройке примыкало еще одно помещение, в юго-восточном углу которого на уровне пола расчищены скопления хорошо промешанной пластичной глины. У западной стены основной постройки обнаружены ямы, заполненные пережженным гипсом (Воробьев, 1959. С. 205–206).

Отдельные горны или пары горнов — гончарные мастерские. Всего в южном Приаралье исследовано 18 таких объектов. К этой же категории, видимо, следует отнести горны, сооруженные на заброшенных поселениях и крепостях, а также на развалинах отдельных зданий (поселение Гяур-кала 3). Надо сказать, что чаще всего территория вокруг одиночных горнов не раскапывалась, поэтому нельзя с полным основанием говорить о рабочих площадках около них — можно лишь предполагать их существование,

² Эта территория была распахана под посевы в конце 1990-х гг. Раскопки на поселении, которое условно было названо поселение Туз-тыр, не проводились. В настоящее время мы можем только охарактеризовать его по схеме, сделанной по дешифрированному аэрофото (рис. 8).

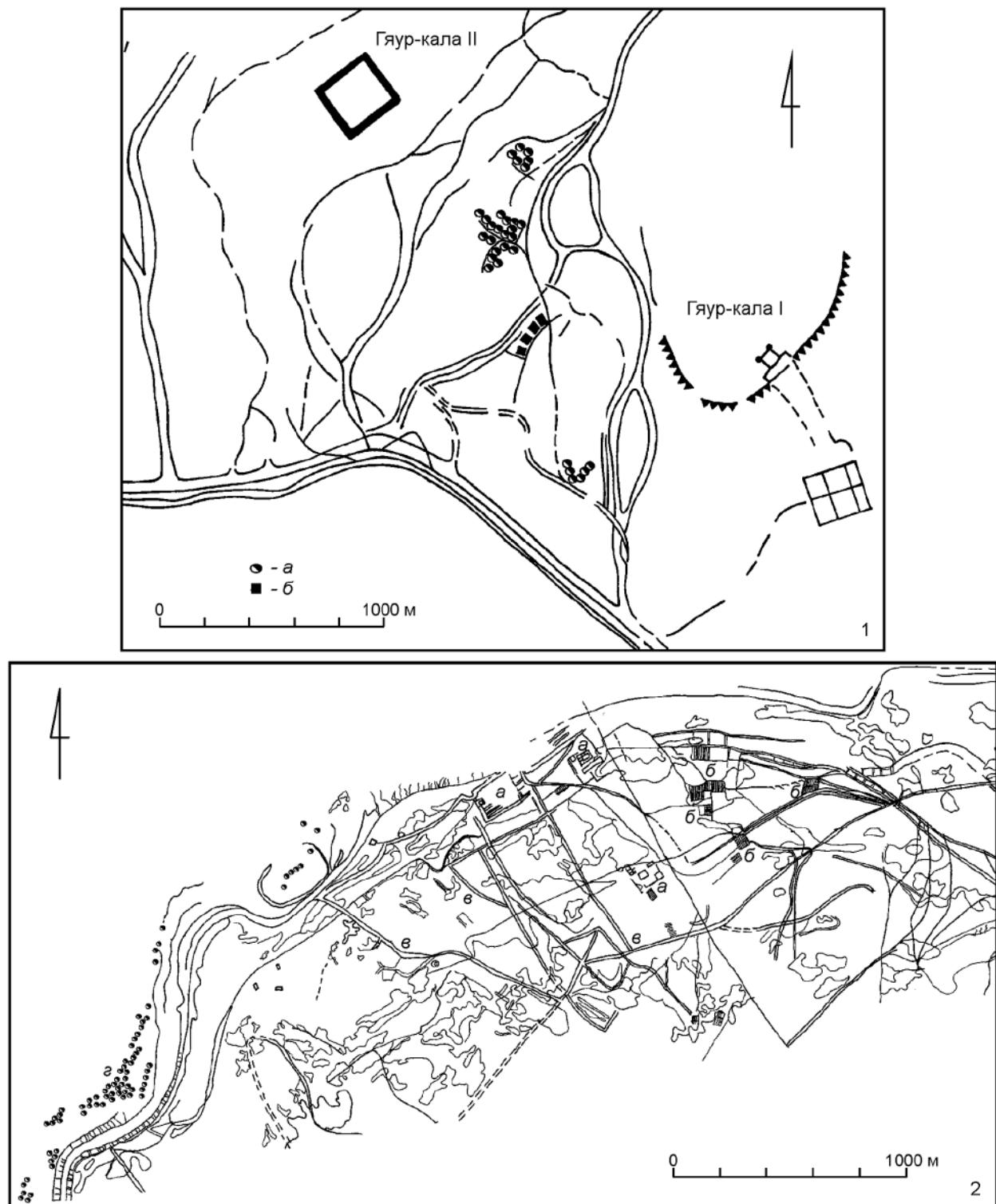

Рис. 8. Специализированные гончарные производства на территории Хорезма: 1 — Гяуркалинский производственный центр, план (*а* — обжигательные горны; *б* — следы построек) (Неразик, 1976. С. 17, рис. 2); 2 — поселение Туз-гыр, план (*а* — планировки усадеб; *б* — следы агропланировок; *в* — каналы; *з* — обжигательные горны) (публикуется впервые)

Fig. 8. Specialised works in the territory of Khoresm: 1 — Gyaerkala manufacturing centre, plan (*a* — firing kilns; *b* — traces of buildings) (Неразик, 1976. C. 17, рис. 2); 2 — settlement of Tuz-gyr, plan (*a* — layouts of the properties; *b* — traces of agricultural layouts; *v* — channels; *z* — firing kilns) (first published)

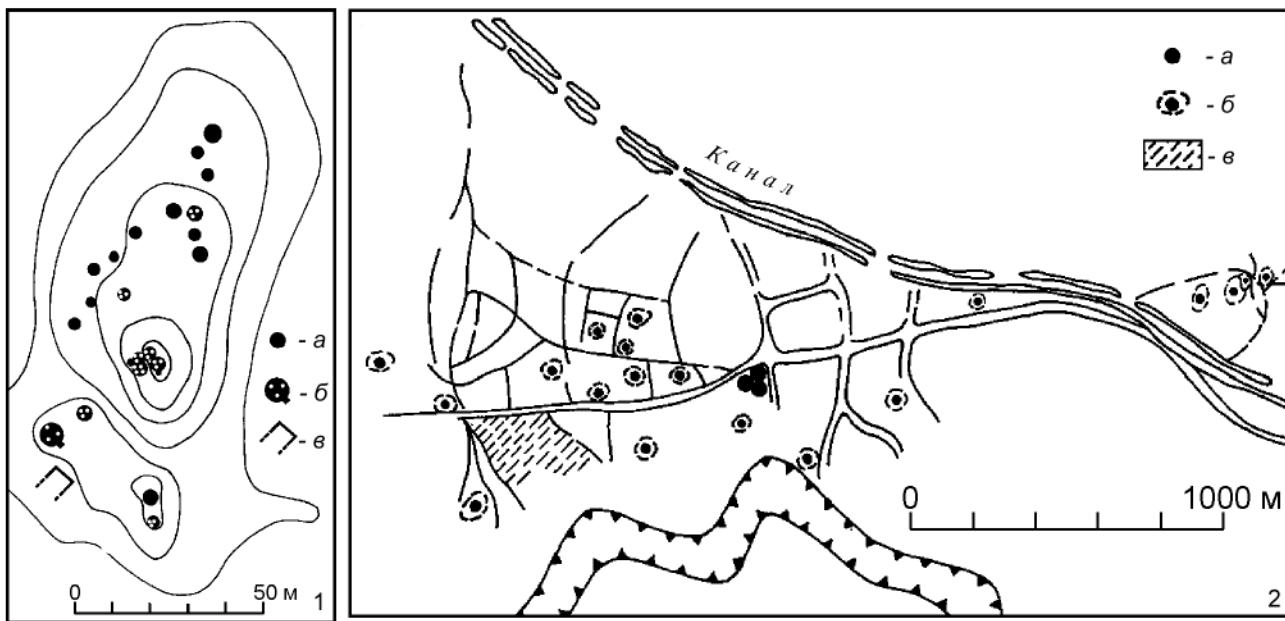

Рис. 9. Гончарные производства на территории Хорезма: 1 — гончарное производство у Якке-Парсана, план (а — обжигательные горны; б — горны с сохранившимся подом; в — остатки постройки) (из личного архива Е. Е. Неразик, публикуется впервые); 2 — гончарная мастерская на поселении Турпак-кала, план (а — обжигательные горны; б — развалины усадеб; в — следы агропланировок) (Неразик, 1976. С. 49, рис. 24)

Fig. 9. Pottery-making works in the territory of Khoresm: 1 — pottery-making works near Yakke-Parsan, plan (a — firing kilns; b — kilns with preserved chamber floors; v — remains of a structure) (from E. E. Nerazik's personal archives, first published); 2 — pottery-making workshop at the settlement of Turpak-kala, plan (a — firing kilns; b — ruins of properties; v — traces of agricultural layouts) (Неразик, 1976. C. 49, рис. 24)

тем более что около горнов на производственных центрах наличие этих площадок зафиксировано достоверно.

Характерной чертой этой группы памятников является размещение многих из них на территории поселений, иногда в пределах усадеб. Практически любой из горнов можно соотнести с конкретным жилым зданием. На территории поселения Барак-там (северная Акчадаринская дельта) отмечены три горна, расположенные в непосредственной близости от жилых домов, но на значительном удалении друг от друга (Толстов, 1962. С. 238, рис. 149). Кроме того, два горна зафиксированы рядом с домом № 2 на поселении около юго-западного мыса Тарым-кая. Один из них, видимо, располагался в пределах усадьбы (Вайнберг, 1991. Рис. 13). Также во дворе усадьбы открыты остатки горна на поселении Баланды на нижней Сырдарье.

Накопленный за весь период археологических исследований Южного Приаралья объем данных

по истории керамического производства в регионе, как представляется, вполне достаточен для решения вопросов об организации гончарного ремесла в древности и его месте в социально-экономической системе государственных образований низовьев Амударьи и Сырдарьи.

Самым распространенным типом производства являлись отдельные керамические мастерские. Ими могли быть отдельно стоящие жилые постройки на территории поселения, рядом с которыми обнаружены горны — один или пара. Они зафиксированы в урочище Дингильдже, в окрестностях Базар-калы, неподалеку от Кой-Крылган-калы, в окрестностях крепости Адамли-кала, на поселении Барак-там, у северных границ Хорезма, поселении возле Тарым-кая, поселении Баланды. Сравнительно крупная керамическая мастерская существовала на поселении IV в. н. э. Турпак-кала I (рис. 9, 2), где на берегу канала, рядом с жилыми постройками выявлены следы керамического производства (Неразик, 1976. С. 49,

рис. 24). При рассмотрении этой категории памятников необходимо учитывать, что многие из них были уничтожены еще в древности в процессе освоения территории. Однако то, что одиночные горны зафиксированы на тех поселениях, которые сохранились полностью (Тарым-кая, неподалеку от крепости Ангка-кала — точка 252 археолого-топографического маршрута, в окрестностях городища Базар-кала — точка 321), дает основание предполагать, что небольшие мастерские существовали на многих из них. Возможно, в этих мастерских работали 3–4 человека: мастер, подмастерье и 1–2 ученика. Основанием для такого предположения могут служить этнографические материалы по Хорезму. Например, в первой трети XX в. у потомственного мастера-керамиста Таджи-Палвана из кишлака Каттабаг неподалеку от Хивы мастерская состояла из одного помещения и расположенных рядом с ним двух обжигательных горнов. В производстве кроме самого мастера были заняты еще три человека (Екимова, 1959. С. 349).

Эта категория памятников датируется достаточно широко: с V–IV вв. до н. э. по III–IV вв. н. э. Возможно, мастерские работали на поселении и обслуживали членов земледельческой общины: неслучайно почти все эти горны располагались в густонаселенной земледельческой зоне, например, на берегах канала Кельтеминар в Правобережном Хорезме (рис. 2). В данном случае речь, по-видимому, не может идти о развитом товарном керамическом производстве, поскольку рынок, на который поставлялась продукция таких мастерских, был ограничен пределами этих поселений. Вероятно, отдельно стоящие мастерские близ поселений или на их территории следует связывать с общинным ремеслом.

Подобная форма организации производства квалифицируется Е. М. Пещеревой как первонаучальная ступень развития гончарного ремесла в Средней Азии (по-видимому, первая после домашнего производства. — Прим. авт.): на этой стадии возникает товарное обращение гончарных изделий. Мастера, работавшие на заказ, получали плату за свои изделия деньгами или продуктами. Однако наличие товарного обращения отнюдь не означает еще, что гончарное ремесло на этой стадии становится товарным. Продукция, изготовленная гончаром-специалистом, не поступает в массе на рынок, а идет непосредственно

в натуральное крестьянское хозяйство (Пещерева, 1959. С. 374).

Существование различных форм производства — например, домашнего и общинного — отмечается уже на самых ранних этапах развития общества. Видимо, такая ситуация сохранялась в Хорезме и в последующие периоды. Так, в уроцище Дингильдже помимо выявленных при раскопках усадьбы следов домашнего промысла зафиксированы отдельные пункты, которые можно конкретно связать с определенными видами ремесла — в частности, с металлургией и гончарством. Здесь работали специалисты-ремесленники, обслуживающие население небольшого оазиса в середине I тыс. до н. э. (Воробьев, 1973).

Подобное положение дел наблюдается не только в Хорезме, но и в других областях в более позднее время. Так, в сельских общинах Малой Азии эпохи эллинизма посуда и другие гончарные изделия производились на месте, и каждая деревня имела своих доморошенных мастеров, работающих на внутренний рынок. Кроме того, в этих же селениях проживали лица, не являвшиеся членами общины и трудившиеся за плату в специальных мастерских.

Мы не располагаем объективными данными о социальном статусе ремесленников в древнехорезмийском обществе: письменные источники и памятники эпиграфики никак не освещают их положение. На основании некоторых сопоставлений с другими, более изученными в этом отношении областями Древнего Востока, можно гипотетически допустить, что они являлись членами общины, как это было в сельских общинах Малой Азии. В Селевкидском государстве ремесла, так же, как и все виды сельскохозяйственных работ, облагались разнообразными налогами (Голубцова, 1972. С. 38–39; Бикерман, 1985. С. 104). В государстве Крорайна в Восточном Туркестане ремесленники также не выделялись из среды крестьянства в отдельное сословие, имели свои участки земли и платили налоги (Воробьев-Десятовская, 1992. С. 105). Таким образом, есть все основания полагать, что на территории Хорезма на протяжении всего изучаемого периода в сельских общинах существовало общинное ремесло, которым занимались мастера — возможно, члены общины.

Второй по распространенности категорией (более крупной по масштабам) были гончарные

производственные центры. Они располагались на некотором расстоянии от поселений или, во всяком случае, за их пределами, но всегда вблизи источника воды. Рядом с ними отсутствуют капитальные жилые постройки, но отмечены производственные помещения и рабочие площадки около горнов (Воробьева, 1959. С. 200–201; 1961. С. 149, рис. 1). Видимо, для жителей близлежащих поселений и предназначалась ремесленная посуда, изготавливавшаяся здесь. Мастерские, возможно, работали периодически, в течение одного сезона, скорее всего, летом или осенью, когда на их продукцию был повышенный спрос. Подобная практика существовала в Средней Азии и много позже. Е. Е. Неразик, рассматривая условия размещения гончарного производства на сельских поселениях Хорезма, приводит свидетельство А. Шишова о том, что в конце XIX в. в отдаленные селения Ташкентского оазиса, обычно в летнее время, выезжали мастера и на месте делали и обжигали посуду (Неразик, 1976. С. 217). Эти сведения подтверждаются Е. М. Пещеревой, сообщавшей, что некоторые ташкентские мастера выезжали на работу за 30–40 км от города (Пещерева, 1959. С. 164).

По данным А. А. Бобринского, сезонный характер гончарного производства — явление достаточно распространенное. Археологические следы временных гончарных мастерских II–IV вв. зафиксированы в Поднепровье, на территории распространения черняховской культуры. Сезонность производства, если судить по материалам этнографии, может характеризовать, по меньшей мере, два совершенно разных явления в истории гончарства: во-первых, не только сезонный, но и времененный характер организации таких производств, функционирующих в течение коротких промежутков времени (одного–двух сезонов); во-вторых, организацию сезонных производств на долговременной местной основе как постоянного элемента культурно-хозяйственной жизни, действующего с определенной периодичностью.

Особенность временных сезонных производств состоит в том, что их организаторы перемещаются из района своего постоянного проживания в район (районы) обитания потребителей их посуды. Сырье добывается на месте, там же устраиваются и приспособления для обжига — горны. Постоянные же сезонные производства

рассчитаны почти исключительно на местного потребителя и создаются на территории долговременных поселений. Их организаторами могут быть как местные жители, так и приезжие гончары, переселившиеся на постоянное жительство в новую деревню. Причины самих переселений могут быть различными, но в любом случае переселенец-гончар как бы вливается в общую культурно-хозяйственную жизнь односельчан, участвуя в сельскохозяйственных и прочих работах (Бобринский, 1991. С. 86–87).

Принимая во внимание эти характеристики, можно отнести производственные центры в Хорезме к категории сезонных производств, которым, однако, присущи некоторые черты постоянных. Так, производственные центры создавались неподалеку от жилых поселений, существовавших не один десяток лет, вследствие чего можно предположить, что они работали в течение нескольких сезонов, а может быть, и всего периода существования поселения. Кроме того, вряд ли такое сложное сооружение, как хорезмийский обжигательный горн, функционировало лишь один–два сезона.

Безусловно, в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на территории Хорезма существовало товарное ремесленное производство. Наличие производственных центров, расположенных изолированно, позволяет предполагать присутствие в это время на территории области крупных ремесленных мастерских.

Количество работников в мастерской могло быть довольно значительным. Например, на стенах гробницы Бени-Гассан в Египте (II тыс. до н. э.) изображена керамическая мастерская, что позволяет наглядно представить весь цикл изготовления сосуда от формовки до обжига. В этом процессе участвуют девять человек, среди которых явно выделяется мастер, формующий сосуд на ручном гончарном круге. В мастерской действовало два горна (Сайко, 1971. С. 124, рис. 3). По уровню организации и разделения труда ее можно сравнить с керамическими мастерскими в античной Греции, где работало несколько человек, и каждый выполнял свои функции (Кошеленко, 1983. С. 226–227). В греческой мастерской, изображенной на сосуде-гидрии из Мюнхенского музея (середина I тыс. до н. э.), трудилось семеро — один из них мастер (Сайко, 1971. С. 131, рис. 14). В крупных мастерских Самарканда второй

половины XII в., где было от четырех до восьми обжигательных горнов, рабочие и подсобные помещения, по расчетам Ш. С. Ташходжаева, работало не менее 20 человек (*Ташходжаев, 1975. С. 64–65*). Надо заметить, что по предполагаемому объему производства такие мастерские вполне сопоставимы со специализированными производствами в Хорезме конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.

Довольно сложен вопрос о рабском труде в этих мастерских. В настоящее время собрано достаточно свидетельств (в основном эпиграфических) существования в Хорезме рабства, носившего, возможно, патриархальный характер (*Толстов, 1962. С. 219; Лившиц, 1984. С. 266–267*). При этом можно допустить, что рабский труд в патриархальной форме применялся в ремесленном производстве. В крупных гончарных мастерских на подсобных работах помимо учеников и подмастерьев могли использоваться рабы. Такая практика широко была распространена в Междуречье в нововавилонское время, причем рабы трудились не только в мастерской хозяина-ремесленника, но и передавались хозяевам для обучения (*Дандамаев, 2009. С. 140–141*). Однако в этот период рабский труд не играл решающей роли в ремесленном производстве, как это было, например, в Греции во времена классической античности, и не мог вытеснить труд свободных (*Дандамаев, 1974. С. 175*). Нет никаких оснований преувеличивать роль рабского труда и в ремесленном производстве Хорезма, тем более что здесь пока не выявлено крупных городских ремесленных центров.

Особенности формовки и отделки некоторых хорезмийских бытовых сосудов IV–II вв. до н. э. (речь о крупных кувшинах и горшковидных судах, а также о флягах с рельефами и кувшинах с львиноголовыми ручками) позволяют говорить о разделении всего цикла керамического производства на мелкие операции. На этом основании можно предположить существование в крупных мастерских подмастерьев и учеников — и, следовательно, разделение труда между различными по уровню квалификации работниками.

Следует заметить, что производственные центры появляются в Хорезме не ранее IV–III вв. до н. э., то есть на раннем этапе становления древнехорезмийского государства. В этот же период окончательно формируется древнехорезмийский

керамический комплекс, который отличается чрезвычайно высоким уровнем стандартизации бытовой посуды, выраженным не только в морфологии, но и в декоративном оформлении сосудов (*Болелов, 2004б. С. 93–148*).

Среди производственных центров особое место занимает единственное производство этого типа на территории Левобережного Хорезма — гончарный центр на городище Кюзели-гыр. Ближайшим к нему синхронным памятником является культовый центр Калалы-гыр 2, который, видимо, и был основным потребителем продукции гончарного центра: других поселений этого времени в окрестности не зафиксировано. Вряд ли гончарное производство являлось частью храмового хозяйства, но очень может быть, что производственный центр был организован здесь для обеспечения посудой этого хозяйства и прихожан храма. Здесь кажется уместным провести параллель с небольшим производственным центром, который функционировал в III–IV вв. н. э. в непосредственной близости от культового буддийского комплекса Кара-тепе в Старом Термезе (*Болелов, 2013б. С. 38*).

Приведенные выше соображения дают некоторые основания допустить существование в Хорезме во второй половине I тыс. до н. э. каких-то организованных групп гончаров-ремесленников. Об уровне их организованности мы можем только догадываться. Вряд ли здесь можно говорить о цеховых ремесленных организациях, существование которых предполагается в крупных городах южных областей Средней Азии, где функционировали кварталы керамистов (*Литвинский, Седов, 1983. С. 132–135; Болелов, 2002б. С. 15–16*), — скорее, это были артели ремесленников, работавшие не постоянно, но в течение определенного периода.

Крупные производственные центры и ремесленные поселения по объему производства значительно превосходят все предыдущие. Они неоднородны по своей структуре, и, видимо, каждый из них занимал определенное место в социально-экономической структуре области.

Гяуркалинский производственный центр и производство на поселении Туз-гыр по объему изготавливавшейся здесь продукции сопоставимы с ремесленным поселением. Это были крупные гончарные ремесленные центры, в отличие от торгово-ремесленных поселений

специализировавшиеся исключительно на изготавлении керамики. По-видимому, здесь, как и в более мелких производственных центрах, мастера работали не круглый год, а периодически, сезонно, прибывая сюда из мест постоянного проживания. Такие масштабы производства можно объяснить обширным рынком сбыта, обусловленным положением на границе земледельческих оазисов и скотоводческой периферии. В непосредственной близости от этих центров на возвышенностях Туз-тыр, Тумек-Кичиджик, Гяур-тыр, Тарым-кайя, Шах-Сенем-тыр расположены курганные могильники скотоводческого населения, насчитывающие сотни курганов. Примечательно, что Гяур-калинский производственный центр располагался рядом с двумя крепостями — Гяур-кала I и Гяур-кала II, то есть находился под их защитой. Обе эти крепости, несомненно, связаны с ирригационной системой Чермен-яб. Период ее расцвета, по мнению Б. В. Андрианова, приходится на третью фазу функционирования канала (первые века нашей эры), когда было проложено его основное магистральное русло (Андринов, 1969. С. 160–161). Логично было бы допустить, что эти крепости возникли в зоне орошения при активном участии государства (Вайнберг, 1991. С. 68) — как, возможно, и производственный керамический центр возле крепостей.

Можно предполагать, что Нурумское поселение, которое также расположено в части Присаракамышской дельты, в определенной степени являлось хозяйственно-экономическим центром этого района. По всем признакам это было торговько-ремесленное поселение, причем, судя по размерам занятой под посевы земли, обладавшее и внушительным сельскохозяйственным потенциалом. Это подтверждается наличием в оазисе помимо крупномасштабного гончарного производства остатков других ремесленных производств, а также крупного винодельческого хозяйства.

Такие поселения-«базары», где был дом правителя-хакима, ремесленные производства и торговые лавки, были известны в Хорезме во времена Хивинского ханства. В связи с этим обращают на себя внимание три центральных бугра Нурумского поселения, значительно отличающиеся своими размерами от остальных усадеб (рис. 4). Вероятно, эти здания и являлись домом правителя. «Базары» обычно были административными

центрами сельскохозяйственных районов. Николай Муравьев, описывая торговые поселения Хивинского ханства, замечает, что они снабжали товарами все деревни и кочевья (Муравьев, 1822. С. 90–91). Подобное поселение (комплекс развалин у крепости Кызылча-кала в Левобережном Хорезме) было обследовано Б. И. Вайнбергом. Исследователь подчеркивает, что оно обслуживало не только туркмен, живших на близлежащих землях, но и кочевников-чарва из отдаленных районов (Вайнберг, 1960. С. 124–126). Возможно, создание таких поселений в позднефеодальном Хивинском ханстве происходило не без участия центральной власти. Можно предполагать, что это было вызвано не только и не столько экономическими, сколько политическими обстоятельствами. Не исключено, что и Нурумское поселение возникло на северо-западной окраине Хорезма в том числе и по политическим соображениям. Кажется, учитывая эти данные, возможно поставить вопрос о протекционистской (в определенной степени) политике, проводимой Хорезмийским государством в отношении кочевников на границах области. Северные районы Присаракамышской дельты — как и западные районы Приаральской дельты — являлись традиционными местами зимовок кочевников Устюрта, о чем свидетельствуют многочисленные курганные могильники на юго-восточном чинке плато (Ягодин, 2008. С. 118; Ягодин и др., 2017. С. 379). Скотоводческое население с ограниченным циклом перекочевок насыпало западную часть Присаракамышской дельты (Вайнберг, 1981. С. 125), где и располагались производственные гончарные центры и Нурумское поселение. Видимо, именно для этих кочевников и подвижных скотоводов предназначалась гончарная посуда и другие ремесленные изделия. Стабильная ситуация на границах оазиса обеспечивалась взаимовыгодными экономическими отношениями с кочевым населением, а ремесленное производство размещалось в непосредственной близости к потребителю (Вайнберг, 1979. С. 175). Косвенно это предположение подтверждается еще и тем, что на территории Правобережного Хорезма, где курганных могильников нет, крупные производственные центры и торговько-ремесленные поселения неизвестны.

Надо полагать, несколько иными были социально-экономические функции ремесленного поселения Бабишмола 7. В отличие от Нурумского

поселения оно располагалась в центре крупного земледельческого оазиса, в 5 км от укрепленного центра этого района — городища Бабишмола 1. Как уже отмечалось ранее, следов других ремесел, равно как и земледелия, на поселении не отмечено: здесь изготавливали только керамику, и основными потребителями продукции этого центра были жители земледельческого оазиса. Функционально это ремесленное поселение в определенной степени сходно с гончарными кварталами южных областей Средней Азии — но те размещались внутри городских стен, а в низовьях Сырдарьи производство было вынесено за пределы города. На поселении Бабишмола 7 обращает на себя внимание крупная усадьба на некотором удалении от мастерских, где не выявлено следов производства. Возможно, в ней проживал глава (управляющий?) этого ремесленного поселения. Непосредственно к поселению (несомненно, для производственных нужд гончаров) из русла Жаныдары был выведен канал-водохранилище. Для его строительства наверняка были привлечены дополнительные людские ресурсы — не исключено, что распоряжением центральных властей области. Принимая во внимание эти соображения, можно предположить, что ремесленное поселение Бабишмола 7 возникло с ведома властей, и работа его, возможно, контролировалась их представителем (Болелов, 2019. С. 80).

Имеющиеся в настоящее время материалы по гончарному производству на территории Южного Приаралья дают основания полагать, что в последней трети I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. на этой территории присутствовали различные формы ремесла. Они характеризовались разным уровнем организации, технологическими возможностями производства, а также степенью отделения ремесла от земледелия. Все эти формы существовали одновременно, дополняя друг друга, занимая каждая свое определенное место в экономической системе древнего общества. Организация и функционирование той или иной формы производства на определенной территории зависели, в первую очередь, от особенностей хозяйственно-культурного типа этого района. Именно этим можно объяснить, например, отсутствие ремесленных поселений и крупных производственных центров в Правобережном Хорезме и наличие их на левом берегу Амударьи. По этой же причине, возможно, отсутствуют специализированные производственные центры в низовьях Сырдарьи: плотность населения здесь была меньше, чем в Хорезме. Кроме того, на территории чирикрабатской культуры пока не отмечено следов винодельческих хозяйств. По-видимому, ремесленники на поселении Бабишмола 7 и небольшие гончарные мастерские в земледельческих общинах вполне обеспечивали население оазисов глиняной посудой.

Андианов, 1969 — Андианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М.: Наука, 1969. 254 с.

Баратов, Матрасулов, 2003 — Баратов С., Матрасулов Ш. Археологические работы в южном Хорезме // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Ташкент: А. Кодирий номидаги халк мероси нашриёти, 2003. С. 38–45.

Бикерман, 1985 — Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985. 264 с.

Бобринский, 1991 — Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н. э.). М.: Наука, 1991. 215 с.

Болелов, 1991 — Болелов С. Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения в Северной Туркмении // Новые открытия в Приаралье (материалы к археологической карте). М.: б. и., 1991. Вып. 1. С. 72–91.

Болелов, 2002а — Болелов С. Б. Керамические обжигательные горны на территории южного и юго-восточного Приаралья (вторая половина I тыс. до н. э. — первые века н. э.) // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: Фан, 2002. Вып. 33. С. 85–95.

Болелов, 2002б — Болелов С. Б. К вопросу о формах ремесленного керамического производства на территории Средней Азии в древности (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) // Материальная культура Востока. М.: Гос. музей Востока, 2002. Вып. 3. С. 3–23.

Болелов, 2004а — Болелов С. Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент: Институт «Открытое общество Узбекистан», 2004. С. 48–55.

Болелов, 2004б — Болелов С. Б. Керамика // Калалытыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме /

- Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Восточная литература, 2004. С. 93–147.
- Болелов, 2005 — Болелов С. Б. Раскопки усадьбы в Нурумском оазисе (Северная Туркмения) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2005. Вып. XV. С. 90–110.
- Болелов, 2013а — Болелов С. Б. Ранний этап становления ремесленного производства на территории Хорезма (вторая половина I тыс. до н. э.) // Приаралье на перекрестке культур. Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 5–19.
- Болелов, 2013б — Болелов С. Б. Ремесло Древнего Хорезма на ранних этапах развития государственности // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013 (Тр. ГЭ; Т. LXII). С. 29–44.
- Болелов, 2019 — Болелов С. Б. Хумбузтепа. Производственный центр эпохи раннего железного века в южном Хорезме (археологические исследования 1996–1997 гг.) // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов. История, археология, культура: Материалы междунар. конф., посвящ. памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 года). М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 23–66.
- Болелов, Утубаев, 2019 — Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р. Низовья Сырдарьи во второй половине I тыс. до н. э. (Новые данные к изучению Чирикрабатской археологической культуры) // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура: Материалы междунар. конф., посвящ. памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 года). М.: Институт востоковедения РАН, 2019. С. 67–89.
- Болелов, Утубаев, 2020 — Болелов С. Б., Утубаев Ж. Р. Гончарное производство на территории древней дельты Сырдарьи в эпоху античности: новые данные // Археология Казахстана. 2020. № 1 (7) С. 67–87.
- Вайнберг, 1960 — Вайнберг Б. И. Туркменские поселения по Дарьялыку (по материалам Туркменского археолого-этнографического отряда 1957 г.) // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 году. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МХЭ; Вып. 4). С. 115–133.
- Вайнберг, 1979 — Вайнберг Б. И. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамышская дельта Амударьи) // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979 (Тр. ХАЭЭ; Т. XI). С. 167–177.
- Вайнберг, 1981 — Вайнберг Б. И. Скотоводческие племена в Древнем Хорезме // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 121–130.
- Вайнберг, 1991 — Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присаракамышской дельты в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). И. М.: ИЭ АН СССР, 1991. С. 5–108.
- Вайнберг, Болелов, 1999 — Вайнберг Б. И., Болелов С. Б. Нурумский оазис на западе Хорезма // Культурные ценности. Международный ежегодник 1997–1998. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 46–61.
- Воробьевева, 1959 — Воробьевева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма / Под ред. С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. ХАЭЭ; Т. IV). С. 63–220.
- Воробьевева, 1961 — Воробьевева М. Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961 (Тр. ИЭ; Т. XLVIII). С. 147–179.
- Воробьевева, 1973 — Воробьевева М. Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в Древнем Хорезме. М.: Наука, 1973 (МХЭ; Вып. 9). 220 с.
- Воробьевева и др., 1963 — Воробьевева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. I. Общий отчет. Памятники первобытного и античного времени. М.: Изд-во АН СССР, 1963. (МХЭ; Вып. 6). С. 157–200.
- Воробьевева-Десятовская, 1992 — Воробьевева-Десятовская М. И. Индийцы // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.: Восточная литература, 1992. С. 77–115.
- Голубцова, 1972 — Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М.: Наука, 1972. 185 с.
- Дандамаев, 1974 — Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии. VII–IV вв. до н. э. (626–331 гг.). М.: Наука, 1974. 493 с.
- Дандамаев, 2009 — Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э. Социальные институты и идеология. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009 (Исторические исследования). 512 с.

- Екимова, 1959 — Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // Керамика Хорезма / Под. ред. С. П. Толстова и М. Г. Воробьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. ХАЭЭ; Т. IV). С. 343–378.
- Кошеленко, 1983 — Кошеленко Г. А. Полис и проблемы развития экономики // Античная Греция: проблемы развития полиса. М.: Наука, 1983. Т. 1: Становление и развитие полиса. С. 217–246.
- Лившиц, 1984 — Лившиц В. А. Документы из дворца Топрак-кала // Топрак-кала. Дворец. М.: Наука, 1984 (Тр. ХАЭЭ; Т. XIV). С. 251–286.
- Литвинский, Седов, 1983 — Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах (Культура и связи кушанской Бактрии). М.: Наука, 1983. 239 с.
- Мамбетуллаев, 1984 — Мамбетуллаев М. Хумбуз-тепе — керамический центр южного Хорезма // Археология Приаралья. Ташкент: Фан, 1984. Вып. II. С. 21–39.
- Мамбетуллаев, Юсупов, 1974 — Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Археологические работы в Хорезмской области // АО 1973. М.: Наука, 1974. С. 483.
- Муравьев, 1822 — [Муравьев Н. Н.] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. С картинами, с чертежами и проч. М.: В тип. Августа Семена, 1822. Ч. 2. 144 с.
- Неразик, 1976 — Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.): Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М.: Наука, 1976 (Тр. ХАЭЭ; Т. IX). 256 с.
- Неразик, 1981а — Неразик Е. Е. Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала // Городище Топрак-кала (раскопки 1965–1975 гг.). М.: Наука, 1981 (Тр. ХАЭЭ; Т. XII). С. 136–148.
- Неразик, 1981б — Неразик Е. Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 219–227.
- Пещерева, 1959 — Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. ИЭ. Новая серия; Т. XLII). 396 с.
- Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990 — Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент: Фан, 1990. 219 с.
- Сайко, 1971 — Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики: По археологическим материалам Средней Азии. Душанбе: Ирфон, 1971. 172 с.
- Сарияниди, 1957 — Сарияниди В. И. Керамические печи древней Маргианы // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 72–77.
- Ташходжаев, 1975 — Ташходжаев Ш. С. Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников X — начала XIII вв. // Афрасиаб. Ташкент: Фан, 1975. Вып. IV. С. 58–68.
- Толстов, 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.
- Толстов, 1962 — Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: ИВЛ, 1962. 324 с.
- Утубаев, Болелов, 2016 — Утубаев Ж. Р., Болелов С. Б. Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи // Вестник Кемеровского ГУ. История и археология. Психология. Филология. 2016. № 1 (65). С. 56–62.
- Ягодин, 2008 — Ягодин В. Н. Кочевники и Хорезм в Приаральском микрорайоне в IV–III вв. до н. э. – IV–V вв. н. э. // Археология Приаралья. Ташкент: Фан, 2008. Вып. VII: Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау. С. 116–124.
- Ягодин и др., 2017 — Ягодин В. Н., Китов Е. П., Ягодин В. В. Типология погребальных комплексов могильника Кызыбаба I во II–IV вв. н. э. (к вопросу о происхождении кочевников юго-восточного Устюрта) // Stratum plus. 2017. № 4: Между Лимесом и Поднебесной: центры власти и производства. С. 357–379.

Pottery making in the South Aral region (concerning the question of the organization of handicrafts in antiquity)

S. B. Bolelov³

This paper discusses the questions concerned with the organization of pottery making crafts in the South Aral region during the classical period. This research is based on the results of many years of archaeological and topographic investigations, as well as the data of the dense aerial photographic surveys which were carried out

³ Sergei Bolelov — The State Museum of Oriental Art; Nikitskiy Boulevard, 12a, 119019, Moscow, Russia; e-mail: bsb1958@yandex.ru.

by the Khorezm Expedition in the late 1940^s–1950^s. Analysis of these data makes it possible to distinguish several types of pottery manufacture differing in the presumable volumes of production and its locations relative the settlements. Every type of production corresponded to a particular form of the organization of the pottery-making craft and held its place in the social and economic system during the classical period. Small pottery-making workshops in the territory of a settlement corresponded to the communal form of handicrafts. Specialized manufacturing centres were, evidently, represented by large pottery-making workshops providing their products for the market, although not continuously but for a certain season, in the zone of permanent agricultural settlements based on artificial irrigation. The large manufacturing centres and handicraft-trade settlements were located at the margins of the oasis (Left-Bank Khorezm) and were oriented to expansive markets in the zone of contacts between the agricultural and herding populations. The manufacturing settlement at the lower reaches of Syr Darya was situated in the central area of a large agricultural oasis and fulfilled, in these conditions, the functions of an urban potters' block taken away outside the limits of the fortified area of the site (by contrast to the southern regions of Central Asia). The organization and predominance of some type of pottery making in a particular district or region depended primarily on the economic expedience and the way of management or economic-cultural type of the given territory.